

Особенно опасен путь, на который, к сожалению, очень часто становятся исследователи, — это путь приписывания одному более или менее известному автору тех или иных значительных произведений одновременной ему литературы. Так, например, Пахомию Сербу, известному автору середины XV в., приписывалось «Сказание о князьях Владимирских»,⁴ старцу псковского Елеазарова монастыря Филофею, создателю известной теории «Москва — третий Рим», — Хронограф 1512 г.,⁵ Ивану Грозному — сочинения Ивана Пересветова⁶ и т. д. Как правило, чем известнее лицо, которому приписывается то или иное произведение, тем меньше приводится доказательств, тем более «общее» и неопределенное соображения, по которым эта атрибуция производится.

Говоря о такого рода атрибуциях произведений какому-либо известному историческому лицу, Б. В. Томашевский остроумно замечает: «Иногда в основе такого приписывания лежит простое невежество и тяга к крупному имени. Оно отлично сформулировано Гоголем в „Записках сумасшедшего“ (запись 4 октября): „Дóма большею частью лежал на кровати. Потом переписал очень хорошие стишки: «Душеньки часок не видя, Думал, год уже не выдал; Жизнь мою возненавидя, Лязя ли жить мне, я сказал». Должно быть, Пушкина сочинение“».

Очень часто исследователи, приписывающие то или иное произведение какому-либо известному автору, ограничиваются косвенными соображениями, не приводя решающих аргументов. Необходимо прямо сказать, что косвенные соображения, как много бы их ни было, не могут иметь полной силы, особенно если эти косвенные соображения в свою очередь опираются на гипотезы и косвенные соображения.⁸

Объединение авторов, которое, к сожалению, делается у нас очень часто, есть ни что иное, как обеднение литературы. Оно зиждется на представлении, что писателей было мало и писать было некому.⁹

Но есть и другие причины, вызывающие обилие слабо обоснованных атрибуций. Одна из этих причин: отсутствие точного учета особых трудностей атрибуции в древнерусской литературе. Нередко приемы атрибуции, выработанные на материале новой русской литературы, механически применяются к древней.

*

Специфические трудности атрибуции древнерусских литературных произведений легче всего установить, сравнив методы и приемы атрибуции произведений новой русской литературы и древней. При этом оказывается, что многое из того, что в новой русской литературе имеет силу

⁴ И. Н. Жданов. Русский былевой эпос. СПб., 1895, стр. 1—151. Возражения И. Н. Жданову см. в книге Р. П. Дмитриевой «Сказание о князьях Владимирских» (М.—Л., 1955).

⁵ А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа. СПб., 1899. Возражения А. А. Шахматову см. в книге Н. Н. Масленниковой «Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству» (Л., 1955, стр. 162—164).

⁶ И. И. Полосин. О челобитных Пересветова. — Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина, т. XXXV. М., 1946, стр. 25—55. Ср. также: С. Вилинский. Новые труды по изучению деятельности Ивана Пересветова. — ЖМНП, 1908, сентябрь, стр. 185—192.

⁷ Б. В. Томашевский. Писатель и книга. Очерк текстологии. Изд. 2. М., 1959, стр. 190—191.

⁸ Ср., например, приписывание Жития Александра Невского и «Слова о погйбелн Русской земли» Даниилу Заточнику в статье Н. В. Водовозова «Повесть XIII века об Александре Невском» (Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина, т. LXVII, Кафедра русской литературы, вып. 6. М., 1957).

⁹ Д. С. Лихачев. Реплики. — ТОДРА, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 500.